К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДЕНЕГ

А.П. ЛИМАРЕНКО

Деньги и денежное обращение являются частью общего социального процесса. Поэтому история денег – это всегда не только экономическая, но и социальная история. Денежные системы не существуют в каком-то идеальном, навсегда заданном социальном пространстве. «Работа денег», их возможные качественные проявления, экономическая и социальная эффективность денежных систем напрямую зависят от расстановки классовых сил в конкретные исторические эпохи, от классовых интересов, тесно связана с властными отношениями и борьбой за господство над базовыми ресурсами общества.

Социальную историю денег можно представить как череду событий, состоящих из различных альянсов, конфликтов и компромиссов, открытых войн между властвующими и финансовыми элитами. Деньги в своем основном социальном качестве являются капиталом и, соответственно, подчиняются объективной логике капитала. Деньги в качестве капитала живут оборотом, процентом на капитал, и, как принято говорить – «деньги не спят».

Деньги не являются изобретением наподобие колеса, они не привнесены в социальную систему извне, а являются естественным следствием развития общественного разделения труда и обмена. Избавиться от денег в обществах, основанных на разделении труда и обмене, невозможно в принципе. Логически можно представить «постэкономическое» общество, в котором отсутствует дефицит жизненно важных ресурсов, отсутствует потребность в измерении вклада участников в общее дело, что-то вроде коммунизма. В таком обществе действительно возможны иные, не денежные формы производственных отношений между людьми и социальными группами. Можно даже представить фантастические технологии, которые избавят общество от «проклятия денег». Но в обозримом будущем все это выглядит не более чем утопией. Все известные нам достаточно развитые общества основаны на денежных отношениях. Вопрос лишь в том, кто, как и в чьих интересах контролирует деньги и финансы.

Проблемное поле социальной истории денег охватывает такие важные с точки зрения социологической теории вопросы, как влияние денег на трансформацию отношений собственности и социальную стратификацию, формирование классовых и внутриклассовых отношений, историческую эволюцию социальных систем, например «участие» денег и денежных интересов в важнейших исторических событиях. Важно также иметь в виду, что исторический анализ необходим для понимания социальной природы денег. Являются ли постоянно повторяющиеся в истории финансовые и, как следствие, экономиче-

ские и социальные кризисы и даже катастрофы, следствием системных противоречий в обществах, основанных на денежных отношениях? Или они вызваны, по выражению Н. Коперника, «порчей денег» под влиянием частных корыстных интересов, изначальной порочностью человеческой природы, неэффективной финансовой политикой (неизбежными человеческими ошибками ввиду чрезвычайной сложности управления финансами), недостаточным общественным контролем или, наконец, несовершенством практикуемых денежных и финансовых систем? В центре внимания социальной истории денег – реальная история соперничества государственных и частных финансов и «вечного» поиска эффективной денежной и финансовой политики.

Все известные денежные системы и соответствующая финансовая политика переживали периоды успеха и тяжелых поражений. И хотя поиски «идеальных» денег упорно продолжаются, надежды на решение этой проблемы маловероятны. Для социальной истории денег важно иметь в виду, что академическая наука по идеологическим соображениям обычно избегает самых острых эпизодов в истории денег, их вовлеченности во многие социальные катастрофы, революции, войны, морально неприемлемое социальное неравенство и эксплуатацию. Но социолога интересуют именно эти страницы истории, как и вопросы обратного влияния социальных, классовых интересов и ценностей на денежные и финансовые институты.

Совершенствование и развитие денежного обращения и денежных систем способствовали углублению разделения труда, росту товарных рынков, развитию государственного управления практически одновременно в основных центрах цивилизации, таких как: Древний Китай, Египет, Вавилонское царство, Древняя Греция, Рим и др. Рост торговли и рынков сбыта активно стимулировали развитие экономики и производительных сил. Вместе с развитием государства и хозяйства развивались новые практики управления деньгами, формировалась система государственных и частных финансов (финансов хозяйствующих субъектов).

С этого момента собственно и начинается социальная история денег. Контроль над деньгами и финансами становится новым полем исторического соперничества между «златом и булатом», между государственными, общинными и частными деньгами. Нынешние поколения являются прямыми свидетелями, может быть и не последней, но, по крайней мере, самой драматичной части этого исторического соперничества, свидетелями конечно не абсолютного, но уже крайне опасного роста власти анонимного и полу-анонимного частного финансового капитала. Фактически власть финансовых рынков достигла такого масштаба, что правительства больше ценят доверие рынков, чем доверие собственных граждан. Естественно, что подобная ситуация не устраивает ни властвующие элиты, ни финансовые олигархии. В настоящее время соперничество и конфликт интересов между государственными

и частными финансами достиг исторически беспрецедентных масштабов и представляет, на наш взгляд, самую серьезную угрозу для глобальной стабильности.

В историческом противостоянии «злата и булата» всегда была третья сторона, так сказать, молчаливое большинство, которое обычно становилось жертвой междоусобиц власть имущих и владельцев частных капиталов. Поэтому народный протест в государствах с достаточно развитыми денежными и финансовыми системами изначально был направлен как против произвола власти, так и против «жадных» ростовщиков. Эта третья сила сформировала собственную идеологию, выдвигала собственных активистов. Сопротивление финансовой эксплуатации не прекращалось со времен появления ростовщического капитала. Именно под давлением общественного мнения духовенство мировых религий так критично относилось к ростовщичеству, понимаемому как злоупотребление кредитом под процент.

В современном мире более или менее свободное информационное пространство переполнено «народной» пропагандой против «банкстеров» и ссудного процента. Можно заметить и то, что под влиянием общественного недовольства после кризиса 2007—2008 гг. растет фронда и в среде политического класса, направленная если и не против «финансового терроризма», то, по крайней мере, против откровенно грубого давления финансовых рынков.

Уже в древних государствах, основанных на натуральном хозяйстве, с развитием товарно-денежных отношений постепенно формировались финансы, представляющие интересы основных участников экономической деятельности: государства, общин и частных хозяйствующих субъектов. Соответственно актуализировались проблемы взаимоотношений государственной, общинной и частной собственности. С античных времен все государства стремились установить контроль над оборотом золота и серебра путем грабительских войн, поиска месторождений, монополии на чеканку монет или прямой конфискации. Однако золото и серебро проникало на территории государств по неконтролируемым каналам, скапливалось в частных руках торговцев и ростовщиков. Преследуя собственные интересы, государственные и частные финансы вынужденно лавировали: вступали во временные альянсы или открыто противостояли.

В Средние века банковский и ростовщический капитал нередко добивался значительных привилегий со стороны государства. Но в целом торговый, банковский и ростовщический капитал Средневековья был еще недостаточно силен, чтобы решительно сопротивляться претензиям государства. Локальные победы частных денег в Средние века или их попытки реализовать свои устремления через традиционные институты, изначально ориентированные на иные социальные функции, не могли удовлетворить амбиции набирающих силу новых социальных групп, представляющих интересы общинных и частных капиталов. В XVII в.

начинается новый этап на пути продвижения частного финансового капитала к действительно значимым социальным позициям. Основными целями этого исторического процесса стала борьба за контроль над денежной эмиссией, снятие всяких ограничений с использования ссудного капитала и практики кредитно-денежной эмиссии на основе частичного резервирования. Это была также борьба за высокие позиции в государственных институтах и в управлении национальными банками.

Частные финансы в Средние века обычно не претендовали на политическое лидерство. Политический вес феодальных баронов в большей степени определялся другими активами (земельные угодья, недвижимость, натуральные и денежные налоги, родство). Владельцы частных финансов, происходившие часто из низших или маргинальных слоев общества, добивались лишь того, что сейчас называется свободой предпринимательства. Но именно на фундаменте частных денег, накапливавшихся в ремесленной среде, торговле и банкинге вырастал новый господствующий класс – буржуазия. Именно растущая мощь частных денег определила содержание основных этапов развития европейской цивилизации: земельный капитал, торговый, промышленный, финансовый. Вместе с ростом частных финансов в экономике росли претензии новой финансовой буржуазии на участие в государственных и общественных делах и дележе совокупной прибыли национальных экономик.

Современная история частных денег начинается в XVII в. в протестантских странах, узаконивших, наконец, ссудный процент и доход на денежный капитал. В начале XVII в. в Европе появились настоящие частные банки, не ограничивающиеся хранением «сокровищ», переводными и обменными операциями. Новая экономика требовала не просто аккумуляции денежных сбережений, требовались «работающие деньги», необходимы были финансовые институты, способные запустить мотор новой экономики. Такими инновационными институтами стали акционерные банки, открытые для всех вкладчиков без статусных ограничений. Крупный торговый и ростовщический капитал европейских городов, постоянно страдавший от государственных банкротств и политической конъюнктуры, стал инициатором модернизации кредитного хозяйства. С начала XVII в. в северных странах Европы начали возникать городские банки, созданные по образцу генуэзских и венецианских общественных банков.

В течение XVII в. молодая буржуазия накопила значительные капиталы. В результате в 1694 г. специальным актом парламента был основан первый в истории Центральный банк (Bank of England) под управлением частных акционеров. Создание Банка Англии стало не только важным этапом в экономической истории, но и знаковым социальным событием в мировой истории, свидетельствующим о новой расстановке классовых сил. Государства и раньше допускали местную чеканку монет, но обычно сохраняли возможность ограничить или запретить подобную практику. С созданием Банка Англии государство

согласилось на равное партнерство. Это был исторический альянс земельной аристократии, торгово-промышленного и финансового капитала. Именно этот классовый союз стал фундаментом стремительного роста могущества Британской империи, но одновременно создание Центрального банка со столь значительным участием частного капитала положило начало очень рискованной, с точки зрения общественных интересов, экспансии частных денег в сферу государственных финансов и государственного управления. С созданием Банка Англии была запущена машина глобальной экспансии частного финансового капитала, и до сих пор не ясно, чем завершится этот исторический процесс. Следующим эпохальным событием в истории соперничества государственных, общинных и частных финансов стало создание в 1913 г. Федеральной резервной системы, частного акционерного центрального банка США. Финансовые магнаты упорно добивались создания такой системы в США с 1863 г. Политики под давлением избирателей и различных частных интересов бизнеса столь же упорно сопротивлялись. Но трактовать банковскую реформу в США как проявление злой воли к власти узкой группы финансовых магнатов было бы неверно. Экономическое развитие объективно требовало реформирования денежной и финансовой системы. Неважно, какие клановые группы участвовали в игре, не важны и субъективные мотивы, важна потребность социальной системы, логика ее развития. Идеальных денежных и финансовых систем в историческом опыте не обнаружено и, по-видимому, не существует в принципе, поскольку такая система всегда есть компромисс конфликтных интересов различных социальных сил, сложившихся в конкретных условиях данной эпохи. Но форма, и тем более результат этих баталий, позволяют оппонентам говорить о «великом заговоре», хотя то же можно утверждать о любом революционном историческом событии. Банковская и финансовая реформа в США по своей социальной и исторической значимости, социальным последствиям превосходит все другие события начала XX в., включая Первую мировую войну. Социальный, экономический и финансовый опыт, полученный в результате советского эксперимента, будет востребован в будущем, а подведение итогов финансовой революции в США проходит сейчас, на наших глазах, и результат не очевиден.

Что же собственно произошло? В чем исторический и социальный смысл принятия Закона о Федеральной резервной системе США? В историческом плане это означало вступление западного общества в новую стадию развития – стадию финансового капитализма. Оппоненты, как бы ни привлекательно звучали их лозунги, не предлагали реального выхода из тупика, порожденного противоречиями между динамично развивающейся новой экономикой и архаичной финансовой системой. Доля частного финансового капитала в совокупном капитале экономики выросла настолько, что общество объективно

стало перед альтернативой: либо национализация «больших денег», как это произошло в России, либо «великий компромисс», прежде всего, между основными группами господствующего класса.

Создание Федеральной резервной системы (ФРС) положило начало формированию мировой банковской системы, консолидированного интернационального банковского сообщества, объединенного вокруг крупнейших банковских кланов. Причем показатель клановости высшего состава акционеров и руководства ФРС, рассчитанный по данным публичных досье (членство в закрытых клубах, семейственность, родство, национальность и др.), составил 47%. Даже в номенклатурном СССР во времена Н.С. Хрущева и в современной России этот показатель не превышал 35%[1]. Клановость и групповая сплоченность мировой финансовой элиты позволяет многим аналитикам не без основания заявлять о существовании некоего так называемого мирового правительства, выстраивать различные теории заговора. Однако все не так просто. Финансовые кланы всегда сосуществовали с промышленными, торговыми, военными, политическими группировками, тоже консолидированными и влиятельными. Финансовые олигархи никогда не могли бы навязать свою политику без учета интересов этих групп, не уступавших им в потенциале политического влияния. Вместе с тем финансовая элита, добившись столь высоких возможностей прямого влияния на власть, на денежную и финансовую политику, приняла на себя и ответственность. Уже в годы Великой депрессии весь гнев общественного мнения обрушился именно на финансовых акул Уолл-стрита. Собственно, только в 1930-е гг. по-настоящему был осознан исторический масштаб такого события, как создание ФРС.

Если рассматривать социальную историю денег и финансовых институтов как историю постоянного укрепления власти частного финансового капитала, то кратко ее можно представить словами профессора В.Ю. Катасонова: «В процессе нашего исследования мы попытаемся проследить цепочку этих духовных, политических и финансовых трансформаций, происходящих в рамках “перманентной” “денежной революции”. Важные вехи этой революции: легализация ростовщической деятельности; возведение в ранг нормы практики “частичного резервирования” (разновидность банального фальшивомонетничества); создание банков (коммерческих и центральных) как ключевых институтов «денежной цивилизации»; организация фондовых и валютных бирж, осуществляющих узаконенный грабеж народа не менее эффективно, чем банки; введение (а затем упразднение) так называемого “золотого стандарта”; “изобретение” различных “финансовых инструментов” (многие из которых похожи на крапленые карты или фальшивые бриллианты); переход к обеспечению денег с помощью такого “эффективного” средства, как авианосцы и бомбардировщики; создание банковских офшоров и постепенное превращение всей финансовой системы в “теневую экономику” и многое-многое другое»[2].

Сторонники «теории заговора» до сих пор считают, что Великую депрессию преднамеренно спровоцировала в своих интересах горстка финансовых магнатов. По этой логике нынешнее руководство ФРС должно было бы действовать точно так же. Но политика ФРС после финансового кризиса 2007 г. прямо противоположна. В действительности все было не так очевидно. Во-первых, управление рынками в таких масштабах и с помощью новых финансовых инструментов не имело исторических аналогов, действия финансовых регуляторов накануне Великой депрессии представляли собой глобальный социальный эксперимент. Регуляторы сами не ожидали такой реакции рынков. Во-вторых, кризис угрожал позициям всего господствующего класса, прежде всего интересам промышленных магнатов.

Великая депрессия стала объективным следствием интенсивных социальных перемен и несовершенства социальных институтов, неспособных справиться с нарастающим валом новых и необычных социальных процессов. Быстро растущими финансовыми потоками становилось все сложнее управлять, биржевые операции выходили из-под контроля. Вообще затребованные временем социальные институты, как правило, создаются постфактум. К таким ситуациям применим известный афоризм Г. Ф. Гегеля: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Монетарные и финансовые власти в США реагировали на происходящие события традиционными методами, спекулятивный ажиотаж пытались погасить путем сжатия денежной массы в обращении. К тому же власти на горьком опыте своих предшественников как чумы боялись инфляции. Сейчас большинство экономистов признают эту политику ошибочной. Но, во-первых, денежная эмиссия в те времена была законодательно ограничена (в этом собственно и состоял основной смысл финансовой реформы начала XX в.), во-вторых, аварийная накачка системы денежной ликвидностью весьма спорный рецепт. Как это часто бывало в истории, в «родовых муках» финансового и экономического кризиса рождалось новое современное общество. Была заложена новая модель экономического роста, основанная на массовом производстве товаров длительного пользования (жилых домов, автомобилей, бытовой техники и др.), развитии сферы услуг и массовом потреблении, ставшая эталоном экономической политики в послевоенные годы.

Великая депрессия оказала большое влияние на современную историю вплоть до наших дней. Дж. К. Гэлбрейт так оценил последствия этого исторического события: «День Великого краха фондового рынка и спустя пятьдесят лет хранится в социальной памяти. И тому есть причины. С того дня жизнь миллионов людей уже стала иной»[3]. Это было время формирования новой экономической политики, названной позже «кейнсианством», время нового законодательного регулирования финансовых рынков и институтов. Ослабление этого регулирования в 1980-е гг. принято называть «революцией неоконов». Великая депрессия многому

научила и финансовых магнатов, и политиков, и обывателей. Как и в Первую мировую войну, экономика западных стран выходила из системного кризиса рыночного хозяйства за счет нерыночных, внесистемных методов мобилизационной экономики, а простейшей и наиболее доступной формой такой экономической мобилизации является война.

Капитал живет экспансией, его питательной почвой являются свободные рынки. К середине 1970-х гг. международный капитал исчерпал возможности роста, предоставленные восстановительной послевоенной экономикой. «Охотничьи угодья» международного капитала истощались, стали слишком тесными, а многочисленные институциональные ограничения, сохранившиеся со времени Великой депрессии, становились нестерпимыми. Естественно, что неизбежный, затребованный объективной логикой роста капитала исторический процесс перестройки глобальных экономических отношений нуждался в новой идеологии, которая, как отмечал классик, становится материальной силой, когда овладевает массами. Идеологическая артподготовка будущей неоконсервативной революции началась задолго до кризисных 1980-х гг. В 1960–1970-е гг. в США «большой бизнес» щедро профинансировал мощную кампанию по пропаганде либертарианских и монетаристских идей.

Исторический смысл неоконсервативной революции состоял в расширении рыночного пространства для международного финансового и промышленного капитала, в максимально возможной дерегуляции рынков и международной торговли, в решительной оппозиции кейнсианскому вмешательству государства в деятельность экономических субъектов. Неоконсерваторы требовали устранять все, что мешает свободному движению капитала. Текущий глобальный финансовый и экономический кризис поставил под сомнение все основные принципы неоконсервативной идеологии и экономической политики. На различных интеллектуальных площадках разве что ленивый не кинет очередной камень в адрес неоконсерваторов. Однако если стандартная экономическая теория не будет отменена новой реальностью, глобальный мир ожидает самый настоящий экономический апокалипсис, и списанные в небытие неоконсерваторы и монетаристы окажутся мудрыми пророками.

Неоконсервативная революция в западных странах была реакцией на постепенное исчерпание потенциала кейнсианской экономической политики и на тяжелый экономический кризис 1970-х гг. «Неоконы» противопоставили компромиссному кейнсианству идеологию старого доброго либерализма. По существу «большой бизнес» требовал большего участия в хозяйственных и политических делах, большей свободы для глобального капитала и транснациональных корпораций. Под идеологическим прессингом «неоконов» вырастал современный финансовый монополизм крупнейших банков и финансовых компаний, т.е. воспроизводился тот самый капитал, о котором писал К. Маркс, цитируя Т.Дж. Даннинга: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при

20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»[4].

В конечном счете главным историческим итогом неоконсервативной революции стал системный кризис капитализма, экономика абсурда, когда анонимные финансовые рынки шантажируют правительства и центральные банки даже крупнейших мировых держав. Правительства и финансовые власти попали в опасную зависимость от международных спекулянтов. Никогда еще в истории капитализма не существовало такой абсурдной ситуации, когда финансовые рынки растут как на дрожжах, а реальный сектор экономики либо стагнирует, либо находится в глубокой рецессии. Никогда еще манипуляция финансовыми рынками не достигала таких масштабов.

Вместе с тем, оценивая историческую роль неоконсервативной революции, важно иметь в виду, что нынешнему кризису предшествовал период бурного экономического роста. Неоконсервативная революция буквально создала новую глобальную реальность, способствовала бурному росту мировой экономики. Никогда еще в истории человечества за такой краткий период времени не создавалось такое общественное богатство, как в «золотое время» неоконсервативного проекта, никогда еще столь стремительно не наращивали свое экономическое могущество транснациональные корпорации и финансовые кланы. Конечно, не все страны попали на этот «пир хищников». Однако глобализация оказалась фантастически выгодна для всех ее основных игроков, прежде всего для крупных транснациональных корпораций, международного банковского капитала, но также и для многих развивающихся стран. Важно также иметь в виду, что параллельно с экономическим ростом в развивающихся странах интенсивно укреплялась социальная структура, система образования, урбанизация общества.

«Раскрепощенный» капитал создал невиданные в прошлом производительные мощности и прогнулся под их тяжестью. К концу нулевых годов глобальный капитал освоил все созданные им же новые рынки и вновь столкнулся с дефицитом глобального платежеспособного спроса. Какое-то время мировой спрос удавалось поддерживать за счет кредитной эмиссии и наращивания совокупного долга. Но в 2007–2008 гг. эта пирамида долгов рухнула вместе с такими понятными и ясными идеалами неоконсерваторов и монетаристов. Мир вступил в эпоху неопределенности, в эпоху экономического абсурда. Страны, которые по уровню развития промышленного потенциала могли бы обеспечить своим гражданам стабильный рост доходов, не могут обеспечить элементарный платежеспособный спрос на продукцию собственных предприятий. Реагируя на новые, непонятные вызовы правительства, финансовые власти развитых стран обратились к «нетрадиционным» финансовым методам борьбы с кризисом, перевернувшим все устоявшиеся представления о капита-

лизме, о рыночной экономике, о свободе и демократии. Правительства и финансовые власти пошли на прямое государственное вмешательство в экономику, вхождение в капитал крупнейших корпораций и частных финансовых компаний, что означало, по сути, частичную национализацию. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц назвал это «беспрецедентной социализацией» американского частного сектора. Была запущена беспрецедентная денежная эмиссия. Ничего подобного история капитализма, по крайней мере, в мирное время, не знала. Можно сказать, что мы являемся свидетелями величайшего в истории социального эксперимента с непредсказуемыми последствиями. Не удивительно, что многие последовательные приверженцы «старого доброго капитализма» восприняли этот новый мир как крушение капиталистической Вселенной.

Под давлением глобальной конкуренции и финансовых спекуляций, по мнению И. Валернстайна, сформировалось одно из фундаментальных противоречий современной социальной мировой системы: краткосрочное целеполагание угрожающе доминирует над долгосрочным. Система как бы спроектирована для достижения краткосрочных целей, максимизации прибыли здесь и сейчас. К этому можно добавить, что в таких социальных системах естественно происходит гиперболизация кредита. Политический класс явно избегает ответственности, «заливает» экономику эмиссионными деньгами, пытаясь выиграть время в надежде, что все как-нибудь решится само собой. Субъекты хозяйственной деятельности дезориентированы поведением фондовых и товарных рынков, смотрят в рот председателям центральных банков, пытаются предугадать их решения по учетным ставкам и программам выкупа токсичных активов. В таких условиях планировать бизнес становится все труднее, и многие предприниматели уходят на спекулятивные рынки ценных бумаг. Бесконечно продолжать мягкую денежно-кредитную политику невозможно, но и остановиться нельзя, поскольку это может привести к краху всех финансовых рынков.

Капитализму неизбежно придется решать проблему полезной занятости миллионов работников, вытесняемых из производства техническим прогрессом (технологической безработицы). Оптимисты, как Эдмунд Фелпс, связывают свои надежды с переходом общества к новому технологическому укладу, верят в то, что «мусорный» капитал вроде деривативов «сгорит» в огне кризиса, а новая промышленная революция, прямо по Йозефу Шумпетеру, создаст новые потребности, товары, рынки и рабочие места. Сторонники австрийской школы экономики уверены, что капитализм как социальная система сохраняет креативный потенциал, и мир неизбежно перейдет от конкуренции на существующих рынках к конкуренции по созданию новых рынков.

Другие, как, например, Дж. Стиглиц, считают самым опасным следствием экономического роста последних десятилетий, т.е. следствием неоконсервативной революции, недопустимый рост социального нера-

венства, но полагают, что капитализм как социальная система не имеет принципиальных ограничений для решения этой фундаментальной проблемы. Но все не так просто. В идеальной замкнутой экономике баланс равенства-неравенства устанавливается естественным путем, путем рыночной саморегуляции. Но как быть в ситуации, когда приходится конкурировать с молодыми, агрессивными капиталистическими экономиками, не обремененными ни моральными, ни социальными обязательствами? Так или иначе, оптимисты считают, что капитализм как социальная система не является принципиальным препятствием для поддержания баланса спроса и предложения, занятости и положительной мотивации к труду. Хотя критики слева с такой оценкой, конечно, не согласятся и продолжают считать, что системное противоречие между растущей способностью общества к производству благ и падающей способностью к потреблению этих благ может быть разрешено только путем обобществления средств производства и национализации социально значимых активов, например, банковской системы.

В заключение можно сделать следующие выводы. Критика «слева» неоконсервативной (неолиберальной) революции и монетаристской политики, как бы она ни была убедительной с моральной точки зрения, сколько бы она ни приводила примеров «локальных трагедий», не отвечает на принципиальный вопрос: а была ли историческая альтернатива? Если не брать в расчет всемирную социалистическую революцию, то исторической альтернативы попросту не было. Случилось то, что должно было случиться. Авторитетные аналитики все чаще склоняются к мнению, что экономики ведущих западных стран стремительно утрачивают базисные, системные признаки классического рыночного хозяйства и не приобретают каких-либо новых системообразующих характеристик. Еще чаще они предупреждают, что мировая экономика находится в зоне очень опасной турбулентности.

Справедливое моральное возмущение вызывает паразитизм финансовых кланов на ссудном проценте, долларовой монополии и эмиссионной ренте. Все это уже неоднократно повторялось в истории. Однако денежные и финансовые системы никогда не формировались только под монопольным давлением и на потребу лишь ростовщиков. Они всегда были следствием трудного, часто несправедливого компромисса основных участников рыночных и денежных отношений. Причем денежные и финансовые инновации, за редкими исключениями, не были волюнтаристскими проектами. Денежная и финансовая политика определялась логикой развития социальной и экономической системы обществ в конкретных исторических условиях. Социальные изменения вообще никогда не бывают полностью сбалансированы. Деньги и финансы, пожалуй, самая сложная подсистема общества. Общество одновременно и целеустремленная, и эмерджентная система. Целеполагание всегда ограничено горизонтом времени, эмерджентными

процессами, новыми непредсказуемыми в принципе изменениями. Исторически управление деньгами всегда было в той или иной степени экспериментально, но всегда приспосабливалось к объективным историческим обстоятельствам. Многочисленные сторонники нравственной оппозиции ссудным деньгам и сторонники теории «управляемого кризиса», за исключением последовательных марксистов, никогда не предлагают альтернативу и крайне упрощают вопрос о бенефициарах денежной системы. Бенефициаром «больших денег» всегда являлся господствующий класс в целом, а не только финансовые кланы.

Когда практикуемая денежная и валютная система перестает хотя бы в минимально необходимой степени соответствовать интересам основных участников, а у оппонентов действующей системы накапливается ресурс сопротивления, происходит перестройка национальных или международных финансов. Любая денежная и финансовая система рано или поздно изживает себя. Возможно, мировое сообщество находится накануне такого исторического события. Большая часть энергии поднявшейся волны критической научной и общественной экспертизы после крушения финансовых рынков в 2008 г. была вполне справедливо направлена в сторону финансовых институтов. Между тем финансовый кризис был неизбежен при любой монетарной политике ФРС, с той лишь разницей, что жесткая монетарная политика, прямо противоположная той, которую выбрали финансовые власти, привела бы к дефляционному кризису и глубокому экономическому спаду значительно раньше.

Современная ситуация на мировых денежных и финансовых рынках формировалась в процессе длительного исторического соперничества государственных и частных финансов. Нынешний кризис – своего рода подведение итогов одного из этапов этого сотрудничества-соперничества. В системе не должно быть бесплатных денег для государства. За деньги надо платить и платить Международному банковскому картелю. Только он может обеспечить денежную стабильность и эффективное управление финансами. В этом суть идеологии банковской элиты, которую она последовательно исповедовала на протяжении последних столетий. По аналогии с известным выражением «война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам», банкиры как бы заявляли: «Деньги слишком серьезное дело, чтобы доверять их политикам». В этом собственно и состоял смысл продолжавшегося столетиями конфликта между властными и финансовыми элитами, соперничества, в котором баланс противостоящих интересов и сил постоянно менялся, но при неизменном усилении экономических и политических позиций международного частного банковского капитала. И нельзя сказать, что «банкиры-душегубы» совсем уж не правы. Большие деньги являются слишком большим соблазном и для власти, и для отдельных политиков. Но это в равной степени касается и банковского сообщества. Следовательно, в идеале денежная и финансовая система должна обеспечивать взаимный социальный контроль со стороны основ-

ных классовых групп общества над денежными отношениями и вместе с тем не препятствовать инициативам финансового капитала – этой основы основ современного капитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. – М.: Научный эксперт, 2012. С. 17.

[2] *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». – М., 2013. С. 10.

[3] *Galbraith J.K.* The Great Crash, 1929. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. P. 15.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770.

REFERENCES

Galbraith J.K. The Great Crash, 1929. Boston, Houghton Mifflin, 1979. 206 p.

Katasonov V.Yu. Capitalism. The history and ideology of “monetary civilization”. Moscow, Institute of Russian civilization, 2013. 1072 p. (in Russian).

Marx K., Engels F. Works . 2nd ed. Vol. 23. 770 p. (Russian trans.).

The political dimension of the global financial crises. Phenomenology, theory, elimination. Moscow, Scientific expert, 2012. 632 p. (in Russian).

Аннотация

Рассматривается социальное содержание исторического развития денежных систем и финансовых институтов. Социальная история денег представлена как процесс формирования денежных систем и финансовых институтов под влиянием конфликта интересов властвующих и финансовых элит, классов и внутриклассовых групп, государственных и частных денег. Представлен анализ влияния неоконсервативного социального проекта и монетаристской политики на современное общество, социальных, экономических и политических последствий неоконсервативной революции в западных странах. Рассматриваются проблемы современного глобального финансового и экономического кризиса капиталистического общества.

Ключевые слова: социальные отношения, деньги, финансы, рынки, капитал, долговой кризис, неоконсерватизм, глобализация, монетарная политика.

Summary

The article investigates the social content of the historical development of monetarysystems and financial institutions. The social history of money is conceived asa process of money systems and financial institutions development under theinfluence of conflict between interests of acting and financial elites, classesandintraclass groups, state and private money. It performs the analysis of theneoconservative social project and monetary policy on modern society and social, economic and political consequences of the neoconservative revolution in Western countries.

Keywords: social relations, money, finances, markets, capital, debt crisis,neoconservatism, globalization and monetary policy.